

УДК 347.621

Отдельные аспекты изменения порядка заключения брака в России с IX по XIX вв.

Ярмонова Елена Николаевна

Кандидат юридических наук, доцент,
Зав. кафедрой правовых наук,
Воронежский государственный университет,
394006, Россия, Воронеж, Университетская пл., 1;
e-mail: vlada02@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам развития порядка заключения брака в России с IX по XIX вв. Рассмотрев проблемы заключения брака на Руси в языческий период, автор переходит к рассмотрению порядка заключения брака по каноническому праву.

Ключевые слова

Женщины, заключение брака, церковь, каноническое право, обычное право.

Введение

Чтобы проанализировать правовое положение женщины на Руси IX-XIX. необходимо охарактеризовать семейное право рассматриваемого периода и те нормативно-правовые акты, которые регулировали вопросы заключения брака, расторжения брака, личных и имущественных отношений

между супругами и другими членами русской семьи в дореволюционный период. В силу специфики русского быта большую часть жизни женщина в рассматриваемый период проводила в семье. Следовательно, для рассмотрения правового и социального положения женщины необходимо охарактеризовать семью, в которой она живёт, остановиться на положении

именно замужней женщины, так как женщины, переходя из одной семьи в другую, приобретали в Древней Руси совершенно новый статус. В своей работе П. Цитович в 1873 г. пишет: «...девушке нет места в своей семье, — жену нужно добыть из чужой семьи — вот формула положения женщины не только в древнем, но и в современном праве»¹. С.С. Шашков также указывает на невозможность рассмотрения истории женщин, не затрагивая вопросы семьи и семейных взаимоотношений. Он пишет, что эмансипация женщин тесно связана с реформой семейного института².

Из-за бедности древних источников языческая семья изучена довольно слабо. В хозяйственном отношении к X в. она основывалась или на частной собственности (частно-коллективной), или на коллективной земельной собственности (возможно, земельными переделами) патриархального типа. «Наиболее существенным явлением быта нераздельной семьи надо признать общее владение

имуществом и общее хозяйство. И то, и другое первоначально в самом полном смысле слова. Жить нераздельно — значит жить на едином хлебе»³. Патриархальные семьи с несколькими поколениями родственников, живущих в моногамном браке, были достаточно устойчивыми, и в некоторых районах Руси существовали до XII-XIV вв. Языческие семейные обычаи не являлись высоко моральными. Княжеские уставы церкви X-XI вв. свидетельствуют о наличии многожёнства и беспорядочных сожительств родственников. А. Рамбо указывает: «Нестор упрекает славян преимущественно в умыкании женщин, а также и в многожёнстве». Последнее не подлежит никакому сомнению. Славяне имели по две, даже по три и четыре жены: «...без стыда и срама 2 жене имеют»⁴. В то же время необходимо признать, что такой общий брак был характерен не только для славян при развитии семьи, и был распространён у многих народов. Не подлежит сомнению, что первоначально брак был

1 Цитович П. Исходные моменты в истории Русского права наследования. — Харьков: Университетская типография, 1873. — С. 154.

2 Шашков С.С. Историческая судьба женщины, детоубийство и проституция. — СПб. 1873. — С. 2.

3 Пресняков А.С. Княжеское право в Древней Руси: Очерки по истории X — XII столетий, секции по русской истории: Киевская Русь / Подготовитель текста ст. и примечаний М.Б. Свердлова. — М.: Наука, 1993. — С. 120.

4 Русская историческая библиотека. Т. 6. — СПб., 1908. — С. 4.

коммунистический: все мужчины и женщины известной общины считались в супружестве между собой⁵.

Арабские источники IX-X вв. говорят, что у русинов было по несколько жён и наложниц. Владимир I до принятия христианства держал по сёлам многих жён и наложниц. В. Макушев, анализируя сказания различных иностранных авторов, делает вывод о том, что, по мнению иностранцев, у славян преобладала моногамия, хотя было дозволено и многожёнство; в последнем случае однако число жён было ограничено; для союза с ними необходимо было соблюдение брачных обычаев, чего естественно, не требовалось по отношению к наложницам, число которых было неопределённо⁶. Неизвестно, было ли доступно многожёнство простому народу, но для князей оно было допустимо и в более поздний период. Принимая во внимание небольшую зажиточность в народе в старое время, можно думать, что многожёнство, однако, не слишком было распространено у наших предков; только у князей и богатых людей число жён было значительно,

и при жёнах содержалось множество наложниц⁷.

Сведения о семейном укладе народов, населявших территорию России до принятия христианства, весьма немногочисленны и отрывочны. Летописи говорят о том, что у полян уже сложилась моногамная семья, у других же славянских племён: родимичей, вятичей, кривичей – ещё сохранялась полигамия. Вот как описывает форму брака первоначальная летопись: «... И радимичи, и вятичи, и северь одинъ обычай имяху: живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них предъ отьци и передъ снохами, и браци не бываху въ них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясканье и на вся бесовьска песни, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены»⁸. Многожёнство, как правило, было распространено среди князей и знати, что, по мнению ряда учёных, и у германцев, и у славян в первую очередь объяснялось политическими интересами. «Знатность происхождения могла заставлять вступать в брак со мно-

5 Капустин М. История права. Часть первая. – Ярославль, 1879. – С. 65.

6 Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. – СПб.: Типография Веймана, 1861. – С. 140.

7 Аристов Н. Судьба русской женщины в до-петровское время // Заря. – 1871. – № 3. – С. 177.

8 Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377. – М., 1999. – С. 11.

гими, для укрепления дружественных отношений с другими знатными родами; потому что у древних германцев и славян, как известно, через браки соединялись отдельные роды, между ними начиналась постоянная связь, они становились родственными»⁹. По предположению В.Н. Татищева, на Руси X-XV вв. отсутствовал пережиток группового брака, в соответствии с которым князю предоставлялось право «первой ночи», он был, по его мнению, заменён денежной компенсацией ещё княгиней Ольгой, которая ввела куничный сбор в пользу князя («...а уложила брать с жениха по черноту купе...»), освобождавший жениха от обязанности отдавать невесту князю¹⁰. Важным фактором для характеристики положения женщины в семье и в обществе является и форма заключения брака. Это не случайно, так как положение женщины, которая вступает в новую семью в качестве «вещи», купленной у её родителей или иных лиц, и положение женщины, приносящей в новую семью определённое имущество в виде приданого, никогда полностью не растворяющееся в имуществе семьи её мужа, и напоминаю-

щее о её некогда независимом положении, не может быть равным. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением В.О. Шульгина: «Продажа и покупка жены уничтожает личность женщины, обращая её в предмет торга, в простую вещь; приданное напротив возвышает женщину: оно даёт ей, как лицу, право владеть вещью, становится личностью женщины, выраженной во внешнем мире»¹¹.

Порядок и обычаи заключения брака

Семейные отношения регулировались в этот период обычным правом. В различных источниках содержатся указания на несколько способов заключения брака. Среди них наиболее древний – похищение невесты женихом без её согласия, однако постепенно увозу невесты начинает предшествовать сговор с ней. Это юридическое разложение родового союза делало [возможным] взаимное сближение родов, одним из средств которого служил брак. Начальная летопись отметила, хотя и не совсем полно и отчётливо, моменты этого

9 Там же.

10 Татищев В.И. История Российская. Т. II. – М.-Л.: Наука, 1963. – С. 48-49.

11 Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. – К.: Типография И. Вальнера, 1850. – С. 16.

сближения, отразившиеся на формах брака и имевшие некоторую связь с ходом того же расселения. Первоначальные однодворки, сложные семьи ближайших родственников, которыми размещались восточные славяне, с течением времени разрастались в родственные селения, помнившие о своём общем происхождении, память о котором сохранялась в отческих названиях таких сел: Жидчичи, Мирятичи, Дедичи, Дедого-стичи¹². Именно наличием таких сел, состоящих, как правило, из одних родственников, В.О. Ключевский объясняет важность добывания невест. При господстве многожёнства своих недоставало, а чужих не уступала их родня добровольно и даром. Отсюда необходимость похищений. Они совершались, по летописи, «на игрищах межю селы», на религиозных праздниках в честь общих родовых богов «у воды», у священных источников или на берегах рек и озёр, куда собирались обыватели и обывательницы разных сел. Славяне, как описывается в летописи, имели обычай похищать на игрищах тех невест, с которыми они сговорились. Описание умыкания в древнейших

летописных сводах отражает проявление согласования интересов сторон в матримониальных делах, следовательно, свободной воли женщины в этом вопросе («и ту умыкаху жены себе, съ нею же кто съвещашеся»¹³). А. Рамбо также указывает: «Что касается умыкания, то оно могло иметь символическое значение; из вышеприведённого текста видно, что женщины приходили к воде и «совещашеся» со своими похитителями»¹⁴. Обряд похищения невесты: «у воды» совершался на праздниках в честь богини «женитвы» Лады, которые начинались ранней весной «на Красную горку» и продолжались до середины лета – дня Ивана Купалы. Вода в дохристианский период имела культовое значение¹⁵. У зависимого населения («на простых людех») этот обряд сохранялся долго, следы его прослеживаются в былинах, песнях и даже в церковных документах XIII-XV вв. В. Шульгин пишет: «...рассмотрите все древнейшие памятники суда

12 Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1956. – С. 42.

13 Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377. – М., 1999. – С. 11.

14 Рамбо А. Живописная история Древней и Новой России. – М.: Современник, 1994. – С. 25.

15 Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. – С. 474.

церковного, и увидите в них умычку в числе главнейших языческих обычаев, которые старалась искоренить христианская церковь»¹⁶. Начальная летопись изображает различные формы брака, как разные степени людскости, культурности русско-славянских племён. В этом отношении она ставит все племена на низшую ступень сравнительно с полянами. Умычка и была низшей формой брака, даже его отрицанием: «браци не бываху в них», а только умычки. Летописец описывает это так: «живяху зверинским образом, живущее скотьски: убиваху друг друга, ядаху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девицы»¹⁷. Наличие этой языческой формы заключения брака отмечает и Устав Ярослава о судах, ст. 2 которого предусматривает ответственность за несоблюдение христианских форм брака: «Аже кто умчить девку или насилит, аще боярская дочи будеть, за сором ей 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; аще будет меньших бояр, гривна злата ей, а митрополиту гривна злата; а добрых людей будеть,

за сором рубль, а митрополиту рубль; на умыцех по 60 митрополиту, а князь их казнить»¹⁸. Известная игра сельской молодёжи обоего пола в горелки – поздний остаток этих дохристианских брачных умычек, писал В.О. Ключевский¹⁹ Вражда между родами, вызывавшаяся умычкою чужеродных невест, устранялась веном, отступным выкупом похищенной невесты у её родственников. С какого момента возникает брак при похищении? Если с момента похищения, то основанием брака служил бы грубый факт насилия. Брак при похищении возникает с момента известной давности, правильнее, с момента примирения обеих сторон, соглашения воли, признания факта.

Кража невесты была весьма рискованным мероприятием для похитителя. В свадебных народных песнях жених часто называется «чужанином» или «чужбинином», он окружён своими друзьями, поддерживающими его в этом мероприятии, они называются недругами невесты. Жених дол-

16 Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. – К.: Типография И. Вальнера, 1850. – С. 10.

17 Загоскин Н.П. История права русского народа. Том первый. Введение. – Казань, 1899. – С. 441.

18 Российское законодательство X-XX вв. Т. 1 / Под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 189.

19 Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1956. – С. 67.

жен «пускать стрелы», «ломать стены, замки» и пр.²⁰ Такое коллективное мероприятие по добыче супруги имеет оттенок группового брака²¹. Но постепенно даже в таких коллективных мероприятиях, связанных с похищением невесты, намечаются первые контуры моногамии, «по крайней мере в форме парного брака: когда молодой человек с помощью своих друзей похитил или увёл девушку, они все по очереди вступают с ней половую вязь, но после этого она считается женой того молодого человека, который был зачинщиком похищения»²². П. Цитович отрицает наличие насилия при совершении умычки и указывает на положительные моменты при заключении брака в такой форме, которые в первую очередь выражаются в предоставлении возможности женщине самостоятельно определить свою судьбу. «При всех своих безобразиях, умычка все-таки сослужила службу великого этического принципа семейной жизни – признанию свободы женщины при

выборе своего суженого»²³. Следует считать наиболее близким к действительности мнение Шпилевского С.М., который признает наличие как добровольных так насильственных похищений: «Не только обрядовое похищение на праздниках, у воды и т. п., но даже действительное похищение долго было обыкновенным явлением у всех славянских народов, хотя постоянно преследовалось законом»²⁴. Шпилевский С.М. отмечает также что и у славян, и у германцев похищение жены было серьёзным преступлением, и за него назначались наказания вплоть до смертной казни, и только добровольное согласие женщины остаться женой похитителя могло спасти его от наказания. Шпилевский С.М. видит в этом возможность женщины самостоятельно определить свою судьбу, выйти из под власти отца или иного лица, от которого зависела её судьба.

Вторым способом заключения брака в языческую эпоху была покупка. Спорным по сей день является вопрос, существовала ли в древ-

20 Шпилевский М. Семейные власти у древних славян и германцев. – Казань: Унив. тип., 1869. – С. 24, 30, 31.

21 Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. – Л., 1966. – С. 191.

22 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. – М.: Издательство политической литературы, 1961. – С. 50.

23 Цитович П. Исходные моменты в истории Русского права наследования. – Харьков: Университетская типография, 1873. – С. 155.

24 Шпилевский М. Семейные власти у древних славян и германцев. – Казань: Унив. тип., 1869. – С. 26.

нейшей Руси «купля жён», известная как брачный обряд многим славянским народам и описанная арабскими авторами²⁵. Некоторые из русских историков не признают её за первоначальную форму, потому, что при ней необходимо предположить весьма сильную отцовскую власть, чего нельзя признать при коммунальном браке. Однако продажа могла быть совершена не непременно отцом, но и матерью, а также главою рода и родового союза. Но и сам термин «вено» понимается двояко. Традиционным для русской историко-юридической литературы является толкование его как платы, суммы выкупа за невесту²⁶. Известный исследователь древнерусского языка И.И. Срезневский переводит термин «вено» как плату, которая платилась за невесту или приданое, которое давал жених невесте²⁷. П. Цитович характеризует вино как чисто добровольное дарение мужа жене²⁸.

В. Шульгин по термином «вено» подразумевает не плату, даваемую женихом отцу невесты, а то, что предлагается им в обеспечение будущей жены²⁹. Слова «вено» значит в древних текстах «цена»: «не пять ли птиц выпиться пенязема двеня» – говорится в древних переводах Евангелия. В то же время ряд свидетельств позволяет рассматривать термин «вено» как синоним «приданого» в древнерусском юридическом быте, что исключает существование «купли» в истории русского права («...убо муж да възратит жене и вено аще възят что от нея ино»; «и дасть Корсунь царема за вено»). Плата за невесту может быть связана с похищением: именно она была следствием примирения жениха-похитителя с родом невесты, причём первый платит второму выкуп. Такой вид покупки был одной из древнейших форм у славян.

Арабский писатель Казвини говорит о россах: «Тот, у кого родилось две или три дочери, обогащается, тогда как имеющий двух-трёх сыновей делается бедняком». Многие авторы считают, что с течением времени вено

25 Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – С. 193, 221, 256, 265.

26 Шпилевский М. Семейные власти у древних славян и германцев. – Казань: Унив. тип., 1869. – С. 32.

27 Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Ч. 1. – М.: Книга, 1989. – С. 487.

28 Цитович П. Исходные моменты в истории Русского права наследования. –

Харьков: Университетская типография, 1873. – С. 157.

29 Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. – К.: Типография И. Вальнера, 1850. – С. 18.

превратилось в прямую продажу невесты жениху её родственниками по взаимному соглашению родни обеих сторон: акт насилия заменялся сделкой с обрядом мирного хождения зятя (жениха) по невесту, которое тоже, как видно, сопровождалось уплатой вена. Существуют многочисленные доказательства того, что в древние времена существовал и такой способ заключения брака, как покупка невесты у её родственников. При этом Шульгин, не отрицая возможности существования на Руси купли-продажи жён, о чем свидетельствуют многие обрядовые действия при заключении брака, указывает на возможность внесения их в более поздний период под влиянием обычаев других народов. Он отмечает, что если и существовала у славян купля невест, то подтверждения в летописи Нестора или в других достоверных источниках, а также первых законодательных актах, которые не могли бы обойти такой важный факт молчанием, нет. Цитович же считает что это скорее способ выражения согласия семьи на переход женщины из одной семьи в другую. М.Ф. Владимирский-Буданов связывает плату за невесту с фактом её похищения: плата за невесту, по его мнению, была формой примирения жениха с

родом невесты, размер платы показывал социальную ценность невесты³⁰.

Простая передача невесты от родителей или родственников её жениху уже в древнейшие времена развивалась в весьма сложные формы. Она состоит из предварительного договора (запродажной сделки), который, в свою очередь, распадался на две части: «сватовство», т. е. осмотр предмета сделки (невесты) через посторонних, и «рукобитье», т. е. заключение сделки самими сторонами. Стороны заключившие её, суть родители жениха или сам жених и родители невесты. Содержанием сделки служат условия о величине выкупа и о сроке совершения брака; форма совершения её обыкновенно – словесная и символическая («рукобитье», «зарученье, т. е. связывание рук»), сюда впоследствии присоединились некоторые религиозные формы («богомолье», «литки» или пропойны, т. е. языческая жертва через возлияние). Самый брак при покупке состоял только в передаче невесты жениху. Такая передача могла сопровождаться и передачей приданого, которое, по мнению некоторых авторов, не противоречило акту покуп-

30 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 405.

ки. Ясные следы традиции договора купли-продажи невесты сохранились в народном фольклоре и свадебных обрядах, где невеста называется «товаром», а жених – «купцом»³¹.

Купля-продажа жён не была исключительно славянским институтом, она существовала и у древних германцев и у других народов, в доказательство чего Шпилевский С.М. приводит цитату из англосакского закона: «Древние германцы, так же как и славяне, покупали себе жён, которые были у них когда-то чистым товаром, на это особенно ясно указывает закон англосакс. кор. Этельбирта, ст. 32: «... если свободный человек прелюбодействует с женою другого свободного человека, вознаграждает за это своим вергельдом, покупает на свои деньги другую женщину и приводит её к другому (с женой которого прелюбодействовал) в дом»³². Со временем, несомненно, нравы германцев смягчились и купля-продажа приобрела значение передачи права защиты чести жены и получения, соответственно, имущественной выгоды. Шпилевский С.М. указывает что и в более поздний пе-

риод, когда покупка жены уже была заменена покупкой прав на жену, браки, заключаемые без выплат её родне, не считались законными, но уплата за жену всё чаще была символической.

Дальнейший момент сближения родов летопись отметила у полян, уже вышедших, по её изображению, из дикого состояния, в каком оставались другие племена. Она замечает, что у полян «не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер (приводили её к жениху вечером), а заутра приношаху по ней, что владуче», т. е. на другой день приносили вслед за ней, что давали: в этих словах видят указание на приданое. Так читается это место в Лаврентьевском списке летописи. В Ипатьевском другое чтение: «завтра приношаху, что на ней (за нее) владуче». Это выражение скорее говорит о вене.

Были отмечены две новые фазы в эволюции брака. Итак, хождение жениха за невестой, заменившее умычку, в свою очередь сменилось приводом невесты к жениху с получением вена или с выдачей приданого, почему законная жена в языческой Руси называлась водимою. Обряд похищения невесты оказался весьма живучим в народной среде, и о том, что он существовал достаточно долго, говорят

31 Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. – М., 1908. – С. 69.

32 Шпилевский М. Семейные власти у древних славян и германцев. – Казань: Унив. тип., 1869. – С. 39.

некоторые церковные документы, народные былины, песни³³. От этих двух форм брака, хождения жениха и привода невесты, идут, по-видимому, выражения «братъ замуж» и «выдавать замуж»: язык запомнил много старины, сваянной временем с людской памяти. «Умычка, вено в смысле откупа за умычку, вено как продажа невесты, хождение за невестой, привод невесты с уплатой вена и потом с выдачей приданого – все эти сменявшие одна другую формы брака были последовательными моментами разрушения родовых связей, подготовлявшими взаимное сближение родов»³⁴. Брак размыкал род, так сказать, с обоих концов, облегчая не только выход из рода, но и приобщение к нему. Родственники жениха и невесты становились своими людьми друг для друга, свояками, свойство сделалось видом родства. Значит, брак уже в языческую пору роднил чуждые друг другу роды. В первичном, нетронутом своём составе род представляет замкнутый союз, недоступный для чужаков:

«невеста из чужого рода порывала родственную связь со своими кровными родичами, но, став женой, не роднила их с родней своего мужа»³⁵. Родственные сёла, о которых говорит летопись, не были такими первичными союзами: они образовались из обломков рода, разрослись из отдельных дворов, на которые распадался род в эпоху расселения.

У полян самой распространённой формой заключения брака стал привод невесты её родственниками в дом к жениху. Данная форма брака имела в своей основе соглашение между сторонами, представляющими жениха и невесту. О форме таких брачных уз в виде соглашения повествует Повесть временных лет: «...Поляне бо своих отецъ обычай иметь кротокъ и тихъ, и стыденье к снохам своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыденье имеху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней что вдадуче»³⁶. У полян не жених шёл в дом невесты за ней, а наоборот, невесту торжественно вводили в

33 Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1872. – С. 147.

34 Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1956. – С. 68.

35 Там же.

36 Древнерусская литература / Сост. М.П. Одесский. – М.: Слово, 2001 – С. 100.

дом жениха. Летописец неоднократно подчёркивает более значимую юридическую силу этого обряда. Об Игоре он говорит, «и привели ему жену из Пскова». Перечисляя сыновей Владимира, имеющих право на наследование за князем, летописец называет только рождённых от пяти вводимых жён, отличая их от детей наложниц, таким образом показывая отличие законного брака от наложничества³⁷. Неизвестно точно, в чем выражалась форма заключения брака в этом случае, видимо в торжественном приведении невесты. Такие формы брака не являются исключительно славянскими, у многих народов привод невесты, передача её мужу были важными обрядовыми элементами и без них в ряде случаев, брак нельзя было считать заключённым. «По древне-германским законам, торжественная передача невесты жениху отцом или опекуном считается необходимою, потому что без этого, по выражению эдикта Ротара, нет ни в чем твёрдости»³⁸. Привод невесты в дом жениха, которым воспользуется летописец Нестор, мог несколько уменьшить волеизъявление

невесты, по сравнению с договором при добровольной умычке, но это, как правило, давало большую защиту интересов женщины в браке, потому что родственники невесты могли оговаривать в договоре её права и обязанности мужа по её содержанию.

При этом согласие невесты на брак не имело существенного значения, хотя уже в Уставе Ярослава содержался запрет выдавать замуж силой. Брак заключался по соглашению между родственниками невесты и женихом или его родственниками. «Церемония брака сопровождалась специальным обрядом: невесту приводили вечером в дом к жениху, и она снимала с него обувь. На другой день после свадьбы её родственники приносили приданое»³⁹.

Ещё одной формой брака в этот период времени был плен⁴⁰. Об этом говорит Повесть временных лет. Князь Владимир, посватав Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволода, и получив отказ, объявил войну полоцкому князю, итогом которой стало пленение его дочери Рогнеды с целью заключения с нею брака. Вот как это

37 Древнерусская литература / Сост. М.П. Одесский. – М.: Слово, 2001 – С. 125.

38 Шпилевский М. Семейные власти у древних славян и германцев. – Казань: Унив. тип., 1869. – С. 45.

39 Антокольская М.В. Семейное право. – М.: Юрист, 1997. – С. 45.

40 Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. – М.: Зерцало-М, 2003. – С. 159.

описывается в Повести временных лет: «И посла ко Рогъволоду Полотъску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собе жене». Онъ же рече дщери своей: «Хочешм ли за Володимера?». Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бе бо Рогъволодь пришелъ из-заморья, имяше власть свою в Полотъске, а Туры Турове, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и поведаша ему всю речь Рогънедину, дщери Рогъволоже, князя полотъскаго. Володимеръ же СОБРа вои многи, варяги и словени, чюдъ и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънедь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя жене»⁴¹. Рассматривая плен как форму брака, необходимо учитывать, что мы скорее сталкиваемся с особой разновидностью умычки, которая в этом случае связана с насилием не только над самой девушкой, но и её семьёй, и была доступна только определённым категориям населения – князьям и военачальникам.

В Древней Руси к XI в. господствовала моногамная семья с индивидуальным хозяйством. С принятием

христианства в конце X в. церковь вела активную борьбу с язычеством за торжество индивидуальной семьи и семейной нравственности. Брак, развод, моральные отношения в семье стали санкционироваться ею. Не освящённый брак считался грехом и мог отразиться на потомках. Летопись гласит: «От греховного корня злой бывает плод».

В XI в. брак стал церковной прерогативой, в участии в судебных процессах о наследстве могли отказать лицам без соответствующих церковных свидетельств.

С 988 г., с крещения Руси и присвоения церковью монопольного права утверждения брака, начали складываться нормы брачного права, включавшего в себя и определённые свадебные ритуалы, «Процесс этот шёл двумя путями: через трансформацию древних семейно-брачных обрядов в правовую обычай и через узаконение решений органов церковной власти, опиравшейся в своих действиях на византийское брачное право»⁴². Соловьёв С.М. отмечает особенности заключения браков, которые были одновременно и политическими со-

41 Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377. – М., 1999. – С. 36.

42 Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Госюридиздат, 1949. – С. 107.

юзами, и отличались не только, как правило, ранним возрастом брачующихся, но и сложностью процедуры заключения брака, участием большого количества лиц при заключении брака. Женили князья сыновей своих также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лет, дочерей иногда выдавали замуж осьми лет; вот описание свадьбы дочери Всеволода III, Верхуслavy, выходявшей за Ростислава Рюриковича, княжившего в Белгороде: «Послал князь Рюрик Глеба, князя туровского, шурина своего с женою, Славна тысяцкого с женою, Чурыню с женою и многих молодых бояр с жёнами к Юрьевичу великому Всеволоду, в Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисов день отдал великий князь Всеволод дочь свою Верхуславу, и дал за неё бесчисленное множество золота и серебра; сватов одарил большими дарами, и отпустил с великой честью; ехал он за милою своей дочерью до трёх станов, и плакали по ней отец и мать, потому что была она им мила и молода: только осьми лет; великий князь послал с нею сына сестры своей Якова с женою и иных бояр с жёнами. Князь Рюрик, с своей стороны, сыграл сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не было на Руси, пировали на ней

с лишком 20 князей; снохе же соей дал много даров и город Брягин; Якова, свата и бояр отпустил к Всеволоду в Суздаль с великою честью, одаривши их богато». Из этого известия, как из многих других, мы видим, что браки устраивались родителями брачующихся; видим что лица, употреблявшиеся для переговоров, посылаемые за невестою от женихова отца и провожавшие невесту со стороны её отца, назывались сватами; отец невест снабжал её золотом и серебром, давал за нею и по ней, что ясно указывает на приданое, тогда как свёкор давал снохе дары и город для её содержания; что княгини имели города, видно и из других мест летописи; в некоторых небогатых волостях упоминаются у княгинь только села; княжны не выходявшие замуж, оставшиеся в волостях отцовских или братних, имели также села⁴³.

О влиянии давних брачных традиций на нормы семейного права свидетельствуют русские памятники X-XI вв., упоминающие предварительный брачный сговор, которому предшествовала своеобразная помолвка. «Однако она не была заимствованием элемента византийского обряда: известно, что в X в. сватов к великой

43 Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.

княгине Ольге слал древлянский князь Мал»⁴⁴. По русскому обычаю, помолвке сопутствовала трапеза у родителей невесты. Ели пирог-каравай, кашу и сыр. Разрезание сыра закрепляло помолвку, а отказ жениха от невесты после этой процедуры считался позором для невесты и компенсировался денежной суммой, к которой церковная власть добавляла ещё и штраф: «Если из-за девушки будет разрезан сыр, а потом сделают не так, за сыр гривну, а за оскорбление ей 3 гривны, а что потеряно, то ей заплатить, а митрополиту 6 гривен»⁴⁵, – указано в «Уставе князя Ярослава».

В частности, статья 35 Устава князя Ярослава в пространной редакции содержит сведения о предсвадебном стоворе и описывает важный, с точки зрения предсвадебной обрядовости, обычай резанья сыра: невеста вносила сыр, он резался сватом и раздавался всем присутствующим в доме⁴⁶. Отказ жениха от невесты наносил ей моральный ущерб, создавал ситуа-

цию, при которой она могла остаться в девицах. Жених или его родители, согласно Уставу, должны были возместить расходы на угощение («а что потеряно»), за оскорбление невесты («за сором»), а также заплатить штраф в пользу церковной власти. Эта норма принадлежит ещё дохристианскому времени, и просуществовала она довольно долгое время, о чём свидетельствует упоминание о ней уже в XVI в Домострое. Взгляд церковного права и русского обычного права на обручение весьма различен: церковное право придавало обручению все более и более самостоятельное значение: между родственниками обручённых возникает свойство, препятствующее заключению брака; обручение признавалось нерасторжимым и получает религиозное освещение в особом обряде. Между тем по обычному праву этот договор есть только имущественный; неисполнение его ведёт к уплате неустойки – заряда; договор облакался уже с древних времён в формальную письменную сделку – рядную запись. Положение об имущественных потерях при расторжении обручения не является исключительно русским институтом, с ним мы сталкиваемся и в Эклоге. По словам Котошихина, если отец жениха или сам жених про-

44 Пушкирева И.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – С. 71.

45 Устав князя Ярослава // «Памятники русского права». Вып. 1 / под ред. С.В. Юшкова: Сост. А.А. Зимин. – М.: Госюриздат, 1952. – С. 269.

46 Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI-XIX вв.). – СПб., 1999. – С. 29.

ведают после сговора, что невеста «в девстве своем нечиста, или глуха, или нема, или увечна, и что-нибудь худое за нею проведает... И тое невесты за себя не возьмет; и тое невесты отец или мать бьют челом патриарху, что он по сговору и по заряду то невесты на срок не взял и взять не хочет; и по зарядным записям на виноватом возьмут заряд»⁴⁷... То же и в обратном случае – если отец невесты проведает про жениха, что он «пьяница, или зернщик, или уродлив».

После помолвки следовал брачный сговор (ряд), стороны оговаривали при этом имущественные вопросы брака и определялись со днем свадьбы. Брачный сговор был важным моментом в процедуре заключения брака и регулировался установлениями Кормчей книги. Акт обручения оформлялся специальной сговорной записью; на случай нарушения обещания вступить в брак устанавливалась неустойка – заряд, достигавшая иногда значительных размеров. Одновременно священник, производивший обручение, давал венечную запись, которую необходимо было предъявить при венчании.

Обручение связывало жениха и невесту почти так же, как брак, нарушение верности жениху рассматривалось в качестве прелюбодеяния. Несмотря на то, что, по взгляду обычного права, обручению придана гораздо меньшая сила, на практике этой форме обручение вело к большим неудобствам: активными сторонами в договоре обручения являлись родители или опекуны и иногда совершали его в малолетстве обручаемых задолго до наступления брака, и этим совершенно устранялось участие в деле свободного волеизъявления брачующихся. Далее, хотя уплата заряда освобождала от необходимости совершать брак, но заряд обыкновенно назначался большой, и уплата его не всегда была возможна. Относительно церковного обручения ещё византийские императоры (Лев) предусмотрели эти невыгоды и для обручения назначали те же условия, что и для брака (возраст 14 и 12 лет); тогда церковное обручение начали совершать вместе с браком. Византийскому законодательству была известна процедура, предшествовавшая заключению брака, в виде обручения (*spousalia*), смысл которой заключался в соглашении на деле и будущем осуществить этот брак. Для обеспечения такого обязательства да-

47 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 86.

вался задаток. В случае неисполнения обязательства, если это происходило по вине стороны, давшей задаток, она теряла его, если же это происходило по вине другой стороны – она обязывалась выплатить сумму, равную двойному размеру задатка⁴⁸.

Брачный сговор (ряд) был следующим элементом установления супружеского союза на Руси. Родители договаривались о размерах приданого и предполагаемом дне свадьбы, если, конечно, устанавливалось согласие самих молодожёнов, в том числе невесты. В русских Кормчих получение согласия вступающих в семейный союз определяется как важнейший элемент брачного процесса. Отсутствие права свободного выбора женщиной жениха рассматривается как серьёзный аргумент в пользу тезиса о приниженном социально-правовом положении русских женщин в X-XV вв.⁴⁹ Брачный сговор имел прежде всего характер имущественной сделки, заключительное решение принималось родителями или родственниками невесты. Однако это не являлось ограничением

прав женщин: брачные дела сыновей, как правило, тоже вершили родители: «Всеволод [Ольгович] ожени сына своего Святослава Василковною...»; в 1115 г. «повеле Дюрги [Владимирович] Мьстиславу, сынови своему, Новгороде жениться...». В источниках есть свидетельства того, что на Руси – в отличие, например, от Чехии и Литвы, – интересы вступающей в брак женщины всё же учитывались её родственниками.

Летописный рассказ о полоцкой княжне Рогнеде, не пожелавшей выйти замуж за князя Владимира, несмотря на свой легендарный характер тем не менее факт. О юридическом, закреплении прав женщин на изъявление собственной воли в делах о замужестве свидетельствуют статьи Устава князя Ярослава Владимировича о денежных пенях, налагавшихся на родителей не только в экстремальных ситуациях (самоубийство из-за брака поневоле), но и в тех случаях, «аще девка восхоцет замуж, а отец и мати не дадять». В чешском и литовском праве наказывались не родители, а девушка за самовольный выход замуж (она лишалась своей доли имущества, приданого и пр.).

Надо полагать, что в среде зависимого населения на ранних этапах

48 Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. – М.: Наука, 1965. – С. 44-45.

49 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 86.

развития древнерусского государства брачные отношения тем более складывались под влиянием личной склонности. На это указывает статья Русской Правды (РП) о трёх источниках обельного холопства, среди которых назван и брак свободного с рабой, не оговорённый условиями. Примечательно, что не только в РП, но и в поздних актовых и законодательных памятниках нет указаний на то, что свободная женщина, выйдя замуж за холопа, теряла свой более высокий социальный статус. До нас дошла, например, грамота конца XIV в. – духовная Остафия Анайьевича, в которой большинство жён холопов и их дочери названы свободными, хотя сыновья от этих браков остались рабами, поступив в собственность холоповладельца. Заметим, что западноевропейское средневековье знало лишь обратную ситуацию: например, женщина во франкской деревне, выйдя замуж за человека более низкого социального статуса, оказывалась «запятнанной» браком с ним. Изменения в положении жён древнерусских холопов произошли, по-видимому, лишь в конце XIV–XV в. и были связаны с общим усилением крепостничества. Судебник 1497 г., называя в ст. 66 те же три источника обельного холопства, что и РП, даёт

кардинально другую трактовку холопления через брак: «по рабе холоп, по холопе раба»¹⁶. Напрашивается предположение, что ст. 66 Судебника лишь закрепила установившееся в то время положение вещей, когда жены холопов считались свободными только юридически, а фактически находились в полной зависимости от холоповладельца. После издания Судебника 1497 г. появились грамоты, отражающие претворение его норм в жизнь; в докладной записи Ивана Федоровича Новокщенова (149–1505 гг.) сообщается, что «Авдотья Иванова дочь Костыгина», «девка вольная», пошла «за холопа Захарцу, а по его холопи далась ему в роботы...». Но в записи «О разлучении» (конец XV в.), мало привлекавшей внимание историков, жене предоставляется право расторжения брака, если муж скрыл своё холопство, а мужу аналогичное право не даётся: не потому ли, что формула «по холопе раба» в XV в. не сразу стала привычной, входила в практику с трудом и «вольные» женщины стремились по-прежнему оставаться свободными при мужьях-холопах? О существовавшем противодействии формуле «по холопе раба» говорят и соответствующие грамоты XVI в. Так или иначе, Судебник 1589 г. вернул-

ся к нормам Русской Правды: «А по государеву указу по рабе холоп, а по холопе рабы нет». А.А. Зимин считал, что «женщина всегда попадала в холопы по мужу»⁵⁰.

Заключение «вольными» женщинами браков с представителями непривилегированных сословий является неоспоримым свидетельством самостоятельного решения ими этих вопросов. В данном случае если и упоминаются ограничения к заключению брака в таком случае, то со стороны законодательных органов, которые стараются не допустить заключение браков между свободными и рабами, а не со стороны родителей или иных родственников невест.

К концу XIII в. согласие сторон на брак стало фиксироваться в брачном договоре, или ряде, составлением которого после сговора занимались сваты или родственники. К этому времени относится и грамота на бересте (№ 377): «От Микиты ко Анне. Пойди за мене. Я тебе хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев»⁵¹. В рядной записи оговаривались имущественные отношения бедующих супругов. К.

Алексеев определял содержание рядной записи как совокупность условий о количестве приданого, даваемого за невестой, судьбе приданого после прекращения брака, иногда приданое становилось в соответствии с рядной записью собственностью супруга, наследование жены в имуществе мужа и другие вопросы⁵².

Заключительной частью брачного сговора в XIV-XV вв. являлось церковное обручение, ставшее закреплением общественной моралью обязательством жениться на девушке: «...аще кто девицу обручену нужною поиметь, не леть же ему иное пояти, но ту имети жену»⁵³. Даже в случае, если обрученную «инь некто прельстит и осквернит», жениться на ней закон повелевал обрученному жениху.

Члены литовского посольства 1492 г., прибывшие для переговоров о сватовстве Александра Казимировича к дочери Ивана III Елене Ивановне, «ели у великого князя», «говорили о любви и о докончании». Через два года при повторной попытке сватов-

50 Зимин А. А. Холопы на Руси с древнейших времен до конца XV в. – М.: 1973. – С. 84.

51 Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М., 1995. – С. 406.

52 Алексеев К. Об отношении супругов по имуществу в Древней России и Польше // Чтения общества истории и древностей российских. Кн. 2. – М., 1868. – С. 17.

53 Пушкарева И.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – С. 74.

ства была представлена «грамота ве-
рющая» князю Ивану III, «абы дал за
нас дочь свою». От названия деталей
обряда произошли и синонимы слова
«невеста» – «суженая» (о ней судили
сваты) и «обручѣнная» (в результате
сговора били рука об руку). В.И. Даль
допускал возможность толкования об-
ручения от слова «обруч» (браслет).
При обручении могли присутство-
вать, по-видимому, лишь те, кто не
был дважды женат (замужем). Так,
при обручении Александра и Елены
Ивановны был отстранѣн от участия
в обряде один из послов по причине
вторичной женитьбы. Обручение под-
тверждалось грамотой. Как обряд оно
получило распространение не сразу,
и поначалу лишь в среде свободного
населения, господствующего класса.
«Чин, обрученъ девице и мужю, царем
и прочим» (XII в.), опубликованный
М. Горчаковым в XIX в., предписы-
вает следующие обрядовые действия:
«...предстанет же хотящая обручиться
перед святыми дверми олтаря и поло-
жить на десней стране трапезы перь-
стня два, злот и железен. Железный
убо надесно, златый же налево близъ
собе и перекрестить трижды...».

Представителям клира было
необходимо заставить своих «сынов»
и «дщерей» смотреть на заключение

брачных уз как на акт религиозный, но
церемония заключения брака, быто-
вавшая в рассматриваемое время, сви-
детельствует о тщетности этих стрем-
лений. Брак оставался гражданским
актом, лишь освящаемым благосло-
вением церкви. Детали предсвадеб-
ной церемонии свидетельствуют, что
брак по способу заключения (брачный
сговор, ряд) сразу стал неким особым
видом гражданского договора. Живу-
честь свадебного пиршества как тра-
диции выражает тот факт, что на Руси
придавалось большое значение обще-
ственному признанию брака. По свет-
ским византийским законам брак – до-
говор. Поэтому совершение его ничем
не отличалось от совершения прочих
гражданских сделок.

С XVIII в., церковное венчание
делается общим правилом, а со вре-
мени Петра I брак полностью стано-
вится прерогативой церкви и приоб-
ретает значение таинства Указом от 3
апреля 1702 г.

Церковь расходилась в этом со
светским правом, признавая брак не
договором, а таинством и единствен-
ной формой его совершения – церков-
ное венчание.

Церковное венчание, введен-
ное в XI веке, практиковалось толь-
ко среди высших слоев общества,

остальное население заключало браки по традиционным обрядам, справедливо считавшимся пережитками язычества. Особенно распространён был обряд заключения брака «у воды». Церковь постоянно боролась с этими обычаями и пыталась утвердить каноническую форму брака. Из канонических ответов митрополита Киевского Иоанна 11 (1080-1089) видно, что народ, считая венчание принадлежностью браков князей и бояр, продолжал придерживаться при вступлении в брак языческих обычаев умыкания и купли невест: «не было на простых людях благословенного венчания, но бояре толь и князья венчались. Как же совершался брак у простолюдинов? Простым же людям яко именем и плесканием...»⁵⁴. Свидетельства о браках, заключённых без церковного венчания, встречаются в литературных памятниках до конца XVII в. Священноначалие предписывало духовенству тех местностей (прежде всего окраинных), где встречались внецерковные браки, венчать супругов, даже если они уже имели детей.

Статья 2 Устава князя Ярослава (Краткая редакция) направлена

против языческого брачного обычая умыкания невесты. В ней предусматриваются, по-видимому два случая: добровольное умыкание и насильственное умыкание.

Обращает на себя внимание то, что добровольное умыкание приравнивается к насильственному по тем последствиям, которые наступают для жениха, причём на женщину возлагается роль союзницы церкви в борьбе с языческими браками, так как в любом случае женщина получала вознаграждение, равное сумме штрафа в пользу епископа. Анализ этой и других норм Устава показывает, что церковь ставила задачу воспитания новых психологических установок, способствующих усвоению взгляда на законность лишь церковного брака. Церковная санкция носит здесь имущественный характер, причём взыскания налагаются не только на жениха, но и на соучастников умыкания, которые обязывались платить по гривне серебра епископу. Слова «а князь казнит их» очень трудны для понимания. По мнению В.О. Ключевского, под «казнит» следует понимать простое телесное наказание. В частности, такое наказание следовало применять, согласно Правилам митрополита Иоанна II (1080-1089 гг.), к волхвам, которых надле-

54 Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 93.

жало «яро казнити навъзбраненъе злу но не до смерти убивати, ни обрезати сих телесе». К.А. Неволин расценивал их как свидетельство двойного наказания за церковные преступления: денежные взыскания, обозначенные в статье, налагались епископом, а князь или устанавливал по своей воле денежное наказание вдобавок к церковному, или судил на основании греческих законов, на которые делается ссылка в ст. 1. Последнее маловероятно, если вспомнить неудавшийся опыт отца князя Ярослава с введением на Руси византийской системы наказаний. А в подтверждение того, что князь налагал денежные взыскания, можно сослаться на многие списки извода Кормчих (в частности, во всех списках Овчинниковского вида), в которых указывается, что князь применял по отношению к умышнику казнь в виде штрафа размером в гривну серебра. Правда, в других списках, число которых не меньше количества списков Овчинниковского вида, прямо говорится, что эта гривна серебра должна уплачиваться епископу. Таким образом, предположение К.А. Неволына остаётся лишь предположением. Возможно, что слова «а князь казнит» указывают лишь на то, что исполнение решений епископа о денежных взы-

сканиях возлагалось на государственный аппарат князя, поскольку церковь своим аппаратом не обладала⁵⁵. Статья 2 Устава князя Ярослава (Пространная редакция) устанавливает дифференцированную ответственность за умыкание девушки или насилие над ней, зависящую от социального положения потерпевшей. Денежный счёт в Уставе содержит единицы и ставки XI-XII вв. с упоминанием рублей, известных с конца XIII в. Возмещение потерпевшей, принадлежащей к сословным группам боярства, и штрафы церковной власти указаны в гривнах золота – очень больших ценностях (1 гривна золота = 10 или 12 гривнам серебра; 1 гривна серебра = 4 гривнам кун). По предположению В. О. Ключевского, денежные взыскания взымались лишь в том случае, если умышка не сопровождалась церковным браком. Обоснованием этого взгляда В.О. Ключевский считал появление ст. 7 Пространной редакции Устава кн. Ярослава, в которой говорится «аже девка засядет», т. е. не выйдет замуж за своего похитителя. «В случае же завершения истории с умышкой церковным браком умышник и его жена нака-

55 Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI-XIV вв. – М.: Наука, 1972. – С. 298-299.

зывались только епитимией, «занеже не по закону божию съчеталася», как об этом говорится в Поучении духовенству новгородского архиепископа Ильи-Иоанна (XII в.)»⁵⁶.

Заключение

Довольно значительное влияние внешних условий, в том числе социальных и экономических, привело к эволюционированию институтов семейного права. В этот период всё большее значение приобретают церковно-правовые установления. Функции регулирования брачных отношений стала брать на себя церковь, которая жёстко регламентировала отношения и между супругами, именно поэтому заключение брачного договора перестало быть обязательным условием заключения брака, так как не могло нести какой-либо функциональной нагрузки.

Эволюция семьи тесно связана с эволюцией общественных отношений, поэтому рассмотрение основных институтов брачного права, условий и порядка заключения брака важно как для установления особенностей

исторического движения народов, так и для изучения правовых отношений в складывающихся государственных образованиях, а также генезиса правовых установлений в современных правовых системах.

Библиография

1. Алексеев К. Об отношении супругов по имуществу в Древней России и Польше // Чтения общества истории и древностей российских. Кн. 2. – М., 1868. – С. 1-108.
2. Антокольская М.В. Семейное право. – М.: Юристъ, 1997. – 366 с.
3. Аристов Н. Судьба русской женщины в до-петровское время // Заря. – 1871. – № 3. – С. 169-199.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
5. Гаркави А. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870. – 284 с.
6. Древнерусская литература / Сост. М.П. Одесский. – М.: Слово, 2001 – 736 с.
7. Загоскин Н.П. История права русского народа. Том первый. Введение. – Казань, 1899. – 516 с.
8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М., 1995. – 720 с.

⁵⁶ Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1956. – С. 367.

9. Зимин А.А. Холопы на Руси с древнейших времён до конца XV в. – М.: 1973. – 391 с.
10. Капустин М. История права. Часть первая. – Ярославль, 1879. – 276 с.
11. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1956. – 427 с.
12. Лещенко В.Ю. Семья и русское православие (XI-XIX вв.). – СПб., 1999. – 400 с.
13. Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. – СПб.: Типография Веймана, 1861. – 327 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. – М.: Издательство политической литературы, 1961. – 782 с.
15. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. – М.: Зерцало-М, 2003. – 416 с.
16. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377. – М., 1999. – 269 с.
17. Пресняков А.С. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X – XII столетий, секции по русской истории: Киевская Русь / Подготовитель текста ст. и примечаний М.Б. Свердлова. – М.: Наука, 1993. – 635 с.
18. Пушкарева И. Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
19. Рамбо А. Живописная история Древней и Новой России. – М.: Современник, 1994. – 445 с.
20. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. – Л., 1966. – 240 с.
21. Российское законодательство X-XX вв. Т. 1 / Под ред. О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – 432 с.
22. Русская историческая библиотека. Т. 6. – СПб., 1908. – 681 с.
23. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. – М., 1908. – 815 с.
24. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. – 664 с.
25. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.
26. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. 1. Ч. 1. – М.: Книга, 1989. – 806 с.
27. Татищев В.И. История Российская. Т. II. – М.-Л.: Наука, 1963. – 352 с.
28. Устав князя Ярослава // «Памятники русского права». Вып. 1 / под ред. С.В. Юшкова: Сост. А.А. Зимин. – М.: Госюриздат, 1952. – С. 269.
29. Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1872. – 547 с.

30. Цитович П. Исходные моменты в истории Русского права наследования. – Харьков: Университетская типография, 1873. – 173 с.
31. Шашков С.С. Историческая судьба женщины, детоубийство и проституция. СПб. 1873. – 590 с.
32. Шпилевский М. Семейные власти у древних славян и германцев. – Казань: Унив. тип., 1869. – 400 с.
33. Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. – К.: Типография И. Вальнера, 1850. – 137 с.
34. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI-XIV вв. – М.: Наука, 1972. – 340 с.
35. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. – М.: Наука, 1965. – 224 с.
36. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Госюридиздат, 1949. – 541 с.

Certain aspects of changing the order of marriage in Russia in IX-XIX centuries

Yarmonova Elena Nikolaevna

PhD (Law), associate professor,
head of the department of legal sciences,

Voronezh State University,

P. O. Box 394006, Universitetskaya sq., No. 1, Voronezh, Russia;

e-mail: vlada02@mail.ru

Abstract

To analyze the legal status of women in Russia in IX-XIX centuries, it is necessary to characterize a family law of the considered period and the regulations that govern matters of marriage, divorce, personal and property relations between spouses and other family members in Russia. Due to the nature of Russian life most part of woman's life was spent in family in the considered period. Therefore, to identify the legal and social status of women we need to characterize a family

in which she lives in, to stay on the position of a married woman, as women going from one family to another acquired in Rus absolutely new status.

The information on the family structure of the peoples inhabiting the territory of Russia until the adoption of Christianity, are scarce and fragmentary. Chronicles say that Polans has already formed a monogamous family, others Slavic tribes still had a polygamy – Radimichi, Viatichi, Krivichi.

Keywords

Women, conclusion of marriage, church, canon law, common law.

References

1. Alekseev, K. (1868), "On the relation of spouses concerning the property in ancient Russia and Poland", *Readings of the Society of History and Russian antiquities. Book 2* ["Ob otnoshenii suprugov po imushchestvu v Drevnei Rossii i Pol'she", *Chteniya obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. Kn. 2*], Moscow, pp. 1-108.
2. Antokol'skaya, M. V. (1997), *Family law [Semeinoe pravo]*, Yurist", Moscow, 366 p.
3. Aristov, N. (1871), "The fate of Russian women in the pre-Petrine period" ["Sud'ba russkoi zhenshchiny v do-petrovskoe vremya"], *Zarya*, No. 3, pp. 169-199.
4. Chistyakov, O. I. (1984), *Russian law of the X-XX centuries. Vol. 1 [Rossiiskoe zakonodatel'stvo X-XX vv. T. 1]*, Yuridicheskaya literatura, Moscow, 432 p.
5. *Eclogue. Byzantine acquis communautaire of the VIII century [Ekloga. Vizantiiskii zakonodatel'nyi svod VIII veka]*, Nauka, Moscow, 1965, 224 p.
6. Garkavi, A. (1870), *Legendry of Muslim writers about the Slavs and Russian [Skazaniya musul'manskikh pisatelei o slavyanakh i russkikh]*, St. Petersburg, 284 p.
7. Kapustin, M. (1879), *History of law. Part 1 [Istoriya prava. Chast' pervaya]*, Yaroslavl, 276 p.
8. Khlebnikov, N. (1872), *Society and State in the pre-Mongolian period of the Russian history [Obshchestvo i gosudarstvo v domongol'skii period russkoi istorii]*, Tipografiya A. M. Kotomina, St. Petersburg, 547 p.
9. Klyuchevskii, V.O. (1956), *The course of the Russian history. Works. Vol. 1 [Kurs russkoi istorii. Sochineniya. T. 1]*, Politizdat, Moscow, 427 p.

10. Leshchenko, V.Yu. (1999), *Family and Russian Orthodoxy (XI-XIX cent.)* [*Sem'ya i russkoe pravoslavie (XI-XIX vv.)*], St. Petersburg, 400 p.
11. Makushev, V. (1861), *Legendry of foreigners on the life and customs of the Slavs* [*Skazaniya inostrantsev o byte i nrvakh slavyan*], Tipografiya Veimana, St. Petersburg, 327 p.
12. Marx, K., Engels, F. (1961), *Works. 2nd ed. Vol. 21* [*Sochineniya. 2-e izd. T. 21*], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, 782 p.
13. Momotov, V.V. (2003), *Formation of Russian medieval law in IX-XIV cent.* [*Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX-XIV vv.*], Zertsalo-M, Moscow, 416 p.
14. Odesskii, M.P. (2001), *Old Russian literature* [*Drevnerusskaya literature*], Slovo, Moscow, 736 p.
15. Presnyakov, A. S., Sverdlova, M. B. (1993), *Knyaz legislation in Old Russia: Essays on the history of X-XII centuries, sections on Russian history: Kievan Rus* [*Knyazhoe pravo v Drevnei Rusi: Ocherki po istorii X-XII stoletii, seksii po russkoi istorii: Kievskaya Rus'*], Nauka, Moscow, 635 p.
16. *Primary Chronicle on the Laurentian Chronicle of 1377* [*Povest' vremennykh let po Lavrent'evskoi letopisi 1377*], Moscow, 1999, 269 p.
17. Pushkareva, I. L. (1989), *Women of Ancient Rus* [*Zhenshchiny Drevnei Rusi*], Mysl', Moscow, 286 p.
18. Rambo, A. (1994), *Pictorial history of ancient and modern Russia* [*Zhivopisnaya istoriya Drevnei i Novoi Rossii*], Sovremennik, Moscow, 445 p.
19. Romanov, B.A. (1966), *People and customs of Ancient Rus* [*Lyudi i nrawy Drevnei Rusi*], Leningrad, 240 p.
20. *Russian Historical Library. Vol. 6* [*Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6*], St. Petersburg, 1908, 681 p.
21. Samokvasov, D.Ya. (1908), *Course in the history of Russian law* [*Kurs istorii russkogo prava*], Moscow, 815 p.
22. Sergeevich, V.I. (1903), *Lectures and research on the ancient history of Russian law. 3rd ed.* [*Lektsii i issledovaniya po drevnei istorii russkogo prava. 3-e izd.*], Tipografiya M.M. Stasyulevicha, St. Petersburg, 664 p.
23. Shashkov, S.S. (1873), *Historical destiny of woman, infanticide and prostitution* [*Istoricheskaya sud'ba zhenshchiny, detoubiistvo i prostitutsiya*], St. Petersburg, 590 p.

24. Shchapov, Ya.N. (1972), *Princely statutes and the church in ancient Russia. XI-XIV cent.* [*Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnei Rusi. XI-XIV vv.*], Nauka, Moscow, 340 p.
25. Shpilevskii, M. (1869), *Family authorities of ancient Slavs and Teutons* [*Semeinye vlasti u drevnikh slavyan i germantsev*], Univ. tip., Kazan, 400 p.
26. Shul'gin, V. (1850), *On the status of women in Russia before Peter the Great* [*O sostoyanii zhenshchin v Rossii do Petra Velikogo*], Tipografiya I. Val'nera, Kiev, 137 p.
27. Solov'ev, S.M. (1988), *Works. Book I. Vol. 1* [*Sochineniya. Kn. I. T. 1*], Mysl', Moscow, 797 p.
28. Sreznevskii, I.I. (1989), *Dictionary of the Old Russian language. Vol. 1. Part 1* [*Slovar' drevnerusskogo yazyka. T. 1. Ch. 1*], Kniga, Moscow, 806 p.
29. Tatishchev, V. I. (1963), *History of Russia. Vol. 2* [*Istoriya Rossiiskaya. T. II*], Nauka, Moscow, Leningrad, 352 p.
30. Tsitovich, P. (1873), *Starting points in the history of the Russian succession right* [*Iskhodnye momenty v istorii Russkogo prava nasledovaniya*], Universitetskaya tipografiya, Kharkiv, 173 p.
31. Vladimirkii-Budanov, M. F. (1995), *Overview of the history of Russian law* [*Obzor istorii russkogo prava*], Feniks, Rostov-on-Don, 640 p.
32. Yushkov, S. V. (1949), *Socio-political system and the law of the Kievan state* [*Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo Kievskogo gosudarstva*], Gosyuridizdat, Moscow, 541 p.
33. Yushkov, S.V., Zimin, A.A. (1952), "The Charter of Yaroslav the Wise", *Artifacts of Russian law, Issue 1* ["Ustav knyazya Yaroslava", *Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1*], Gosyurizdat, Moscow, p. 269.
34. Zagoskin, N.P. (1899), *Legal history of the Russian people. Volume 1. Introduction* [*Istoriya prava russkogo naroda. Tom pervyi. Vvedenie*], Kazan, 516 p.
35. Zaliznyak, A.A. (1995), *Old Novgorod dialect* [*Drevnenovgorodskii dialect*], Moscow, 720 p.
36. Zimin, A. A. (1973), *Kholops in Russia from ancient times to the end of the XV century* [*Kholopy na Rusi s drevneishikh vremen do kontsa KV v.*], Moscow, 391 p.